

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко

ХРОНОЛОГИЯ БРАСЛЕТОВ С КОНИЧЕСКИМИ ШИШЕЧКАМИ НА КОНЦАХ ИЗ МЕОТСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИКУБАНЬЯ

Статья посвящена хронологии бронзовых браслетов с коническими шишечками из меотских могильников Прикубанья. Хронологический анализ типов фибул, стеклянных сосудов и другого инвентаря позволил определить время использования браслетов этого типа у меотских племен в пределах I — начала II в. н. э.

Ключевые слова: меотская культура, браслеты, фибулы, хронология, Прикубанье.

В настоящее время, в связи с накоплением материалов, остро ощущается необходимость в разработке региональных хронологических схем для отдельных категорий и типов археологических находок. Данная работа посвящена хронологии бронзовых браслетов с коническими шишечками на концах¹, которые встречаются в меотских грунтовых погребениях с фибулами и другими предметами с узкими датами и поэтому сами по себе могут являться довольно надежными хронологическими индикаторами для комплексов первых веков нашей эры, в которых отсутствуют другие возможности для датирования.

Подобные браслеты нередко встречаются в памятниках юга Восточной Европы. Так, аналогичные экземпляры из погребальных комплексов предгорного Крыма А.А. Труфанов отнес к выделенным им первым трем хронологическим группам, т. е. ко второй половине I в. до н. э. — рубежу I—II вв. н. э. (Труфанов 2009, с. 128, 225, рис. 65: 4).

1. Они отличаются от похожих браслетов IV в. до н. э. меньшей массивностью и оформлением концов, которые у ранних экземпляров оформлены в виде крупных пирамидок, часто с нарезными вертикальными линиями.

Специальных исследований по хронологии подобных браслетов из меотских могильников Прикубанья и Нижнего Дона не проводилось. В погребениях могильника Кобякова городища большинство таких браслетов исследователи датируют I в. н. э. (Косяненко 2008, с. 137; Ларенок 2013, с. 265), а хронологическая позиция этих украшений из захоронений некрополя Крестового городища (Паниардиса) определяется в пределах конца I в. до н. э. — начала II в. н. э. (Горбенко, Косяненко 2011, с. 97, 98).

Имеющиеся материалы из грунтовых могильников Прикубанья (учтено 16 погребений) дают нам возможность уточнить хронологию этого типа браслетов. В работе использованы комплексы из могильников Старокорсунского городища 2 (СК-2), Старокорсунского городища 3 (СК-3)², Елизаветинского городища 2 (ЕЛ-2)³.

В пяти погребениях СК-2 № 53в (рис. 1: 1, 2), 63з (рис. 1: 3, 4), ЕЛ-2 № 6, 73, 200/2013 г. браслеты были встречены вместе с фибулами типа «Авцисса» (Aucissa). Наиболее подробная типология и хронология этих фибул разработана Э. Риха на материалах из лагеря Август. Фибулы из приведенных меотских погребений относятся к группе 5, типу 2, варианту 1 (Riha 1994, S. 100—105, Taf. 18—20, Nr. 2241, 2245, 2256, 2272 и др.). Этот вариант фибул встречается преимущественно с монетами римских императоров первой половины I в. н. э. (Riha 1994, S. 101, 102). Время появления фибул «Авцисса» в Западной Европе относится к концу

2. Приносим благодарность А. В. Кондрашову за возможность использовать для публикации материалы из раскопанного им могильника.

3. Благодарим М. Ю. Лунева за возможность ознакомиться с материалами из его раскопок

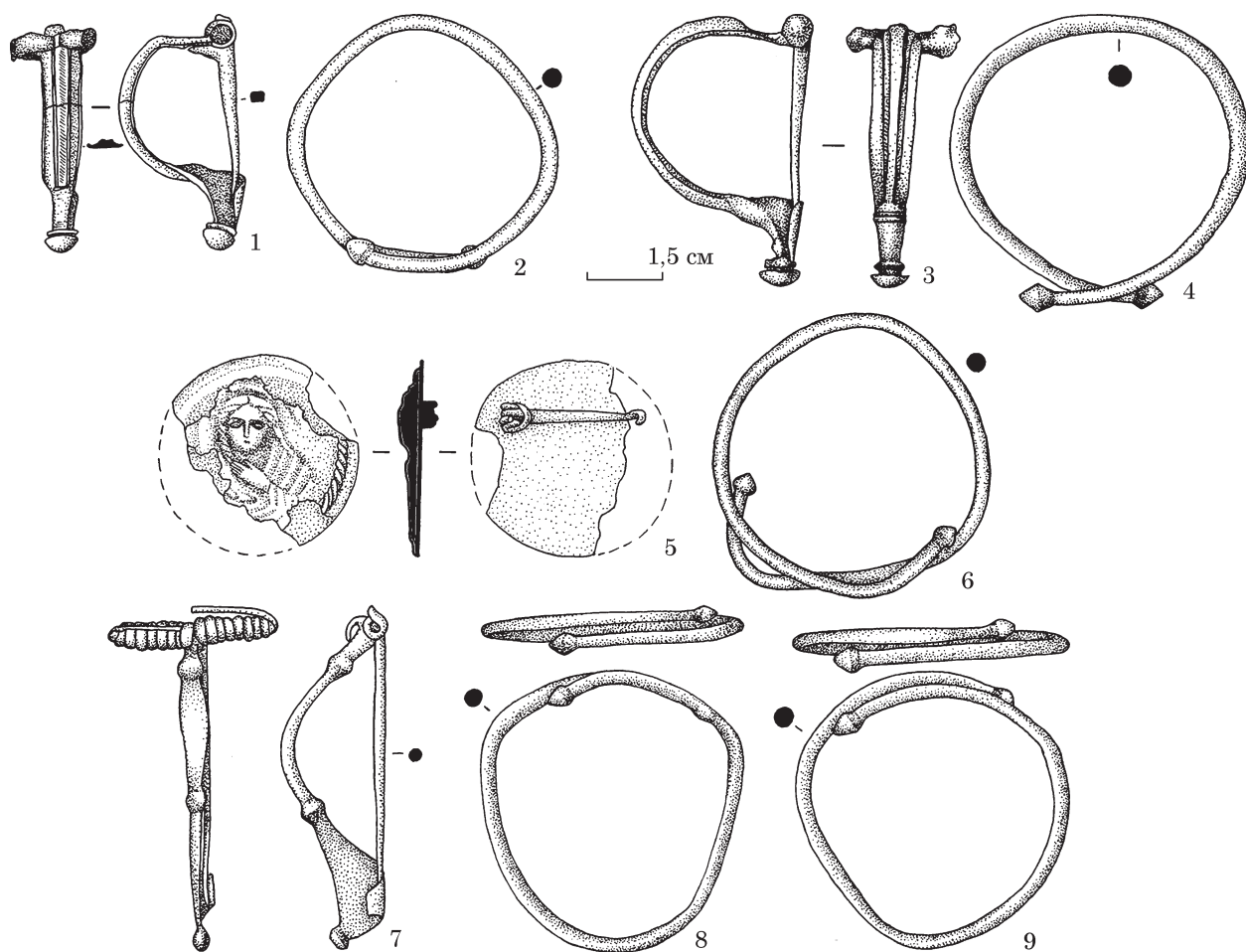


Рис. 1. Фибулы и браслеты из меотских некрополей: 1—6 — могильник Старокорсунского городища 2 (погребения: 1, 2 — № 53в; 3, 4 — № 63з; 5, 6 — № 614з); 7—9 — могильник Старокорсунского городища 3, погр. 3

I в. до н. э. В лагерях Оберхаузен и Хальтерн, которые датируются 15—10 гг. до н. э., они уже преобладают количественно (Rieckhoff 1975, S. 22, 30—32; Щукин 1989, с. 64). Э. Эттлингер на основе швейцарских материалов предлагает для фибул «Авцисса» дату 25 (?) г. до н. э. — 50 г. н. э. (Ettlinger 1973, S. 29, Typ 29).

А. К. Амброз считал фибулы типа «Авцисса», найденные на территории бывшего СССР, синхронными западным (Амброз 1966, с. 26). По мнению В. В. Кропотова, на юге Восточной Европы эти застёжки запаздывают. Исследователь ограничивает хронологические рамки их бытования в этом регионе второй половиной I — началом II в. н. э., вероятно, исходя из утверждения А. В. Симоненко, что римские застёжки этого типа могли появиться здесь после сирако-аорской войны 45—49 гг. н. э., и, следовательно, их хронология ограничивается второй половиной первого столетия (Кропотов 2010, с. 273; Симоненко 2004, с. 143; 2011, с. 21; Дзнеладзе, Сикоза, Симоненко 2019, с. 369).

Если обратиться к карте распространения фибул типа «Авцисса», составленной В. В. Кропотовым, который учел 149 экз. (Кропотов 2010, рис. 77), то станет очевидным, что фибулы могли поступать в Прикубанье и далее на север (Ниж-

ний Дон и Поволжье) не с запада (с Азиатского Боспора), а с Кавказа (из восточных римских провинций). Собственно, в степях Европейской Сарматии их насчитываются единицы. Как показывает картографирование, эти фибулы могли попасть к сарматам и торговым путем: через меотов Кубани, причем значительно раньше аорсо-сиракской войны, о чем свидетельствует и очень малое количество более поздних застёжек с надписью AVCISSA. Отсутствие фибул типа «Авцисса» в курганах Золотого кладбища, самые ранние комплексы которого датируются второй половиной I в. н. э., также может служить доказательством, что в Прикубанье их хронология ограничивается первой половиной I в. н. э. В качестве аргумента о запаздывании фибул «Авцисса» В. В. Кропотов приводит факты их встречаемости с лучковыми подвязными фибулами варианта 2, время распространения которых он относит ко второй половине I в. н. э. (Кропотов 2010, с. 273). Но здесь хотелось бы заметить, что в связи с удревнением периода бытования лучковых подвязных фибул варианта 1, вероятно, надо пересмотреть и датировку варианта 2, учитывая хронологию застёжек типа «Авцисса» (Зайцев, Мордвинцева 2003, с. 152; Скрипкин 2003, 129—133).

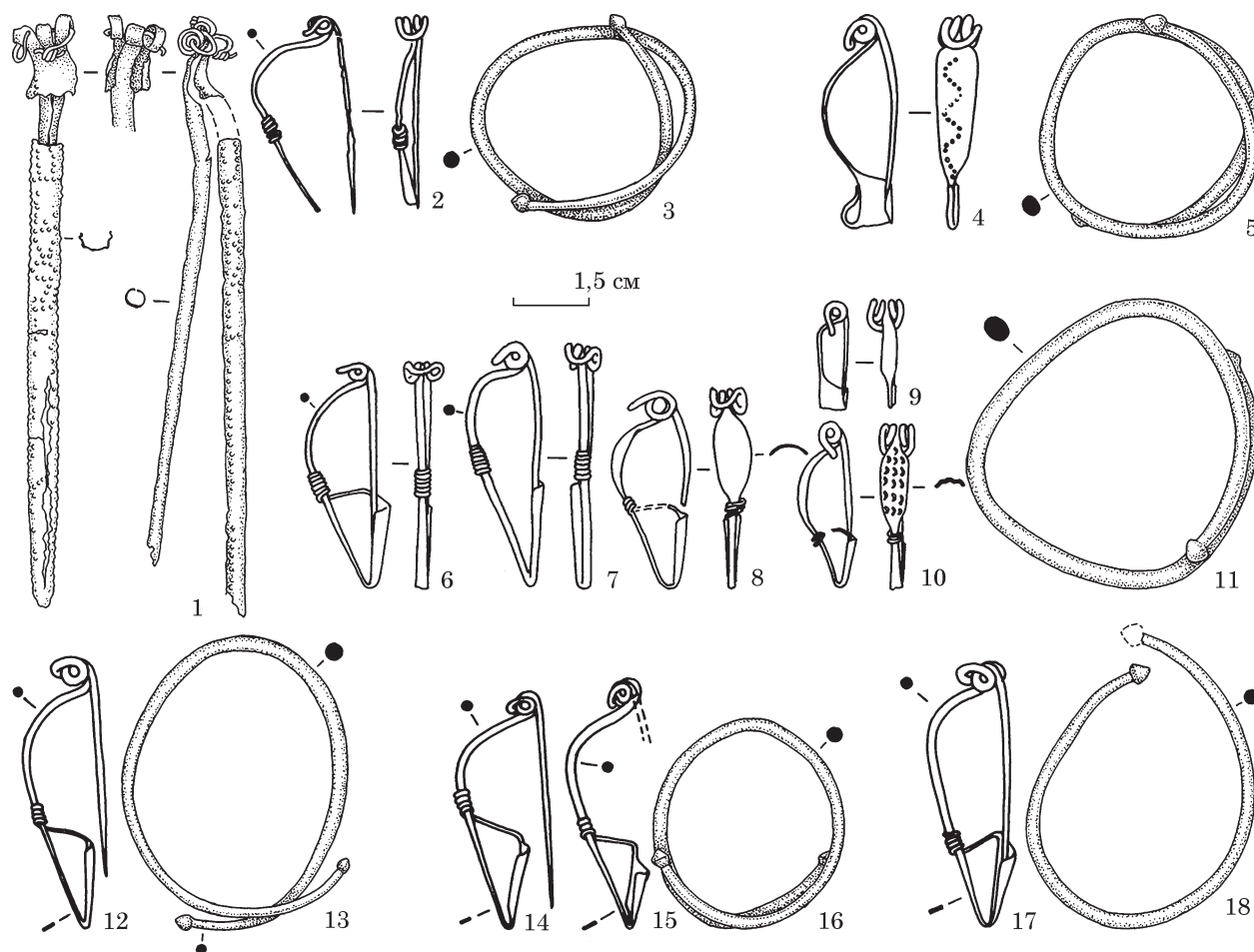


Рис. 2. Могильник Старокорсунского городища 3, погребения: 1—3 — № 3; 4, 5 — № 74; 6—11 — № 81; 12, 13 — № 233; 14—16 — № 246; 17, 18 — № 348

Таким образом, указанные выше меотские комплексы из Прикубанья, в которых присутствуют браслеты с коническими шишечками и фибулы типа «Авцисса», мы склонны датировать первой половиной I в. н. э. Добавим, что в погребении ЕЛ-2 № 73/2013 г. была найдена еще и лучковая подвязная фибула варианта 2, которая может указывать на более позднюю дату комплекса или, наоборот, на более раннюю датировку фибул варианта 2. Во всяком случае, на сегодняшний день данный комплекс можно датировать серединой — началом второй половины I в. н. э.

В погребении ЕЛ-2 № 41/2013 г. вместе с браслетом встречены две фибулы: одна — с выпуклой пластинчатой спинкой и S-видным завитком на конце приемника, другая — лучковая подвязная варианта 2. Аналогичные пластинчатые фибулы В. В. Кропотов датирует второй половиной I — началом II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 183, 186). Правда, при датировке этого типа фибул, как и многих других, В. В. Кропотов опирается на хронологию среднесарматской и позднесарматской культур. В. М. Косяненко, исследовав фибулы из некрополя Кобыякова городища, предложила датировать пластинчатые застёжки с завитком I в.

н. э. (Косяненко 1987, с. 45; 2008, с. 101). Для нас важны наблюдения и выводы исследовательницы, построенные на материалах памятника оседлого меотского населения. Находка в комплексе ЕЛ-2 № 41/2013 г. лучковой фибулы варианта 2 позволяет ограничить его датировку второй половиной I в. н. э. Погребение СК-3 № 74 (рис. 1: 7, 8), в котором браслет был найден вместе с фибулой с плоской пластинчатой спинкой и S-видным завитком на конце приемника, мы относим к I в. н. э.

Найденная вместе с браслетом в погребении ЕЛ-2 № 65/2013 г. провинциально-римская бронзовая ромбовидная фибула-брошь с двумя стойками, без эмали, с завитками на концах, по форме близка фибулам типа 42, 2 по Э. Эттлингер, датирующимся 30—50 гг. н. э. (Ettlinger 1973, S. 29, Taf. 13: 2). Соответствующий тип 7.4 из лагеря Август относится ко второй четверти — концу I в. н. э. (Riha 1994, Taf. 78). В. В. Кропотов выделил эти застёжки в форму 3, приведя датировку западных образцов и не уточняя их хронологию в местных памятниках (Кропотов 2010, с. 304, рис. 90: 2). Поэтому дату комплекса из Елизаветинского могильника (учитывая и другой инвентарь) можно ограничить рамками второй четверти — конца I в. н. э.

Из погребения СК-2 № 614з (рис. 1: 5, 6) происходит бронзовая пружинная круглая фибула-брошь (диаметр — 3,9 см), обтянутая серебряной фольгой с позолотой, с тисненым погрудным изображением богини. Изображение обрамлено рельефным валиком, имитирующим перевитую проволоку, край диска гладкий. Застежка — смычковой конструкции. Такие фибулы В. В. Кропотов датирует второй половиной I — началом II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 294). Аналогичная брошь происходит из захоронения ЕЛ-2 № 27/1978 г. (Анфимов 1984, с. 93, табл. In: 17, 18, 20), которое по стеклянному бальзамарию типа AR 129 и бронзовой фибуле-броши с двумя стойками, округлым щитком с фестонами по краю и стеклянной вставкой в центре (Richa 7.8) мы датировали второй половиной I в. н. э. (Marčenko, Limberis 2008, S. 389, Kat. Nr. 187, Taf. 193: 7—9).

В нескольких погребениях браслетам с шпечками на концах сопутствовали лучковые подвязные фибулы. В погребении СК-3 № 81 их было три. Две фибулы относятся к серии I, варианту 2 (рис. 2: 6, 7), одна — к серии IV, варианту 2 (рис. 2: 8), что позволяет датировать данный комплекс второй половиной I — началом II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 74, 161). Лучковые подвязные фибулы серии I были встречены еще в трех комплексах: СК-3 № 233, 246, 348 (рис. 2: 12—18). В. В. Кропотов по отчетам А. В. Кондрашова отнес их к варианту 3 (Кропотов 2010, с. 104). Однако у этих экземпляров ножка не настолько расширена и дужка невысокая, поэтому мы относим их к варианту 2 и датировем второй половиной I — началом II в. н. э. Исследователи уже не раз отмечали, что порой очень трудно разделить фибулы вариантов 2 и 3. Так, А. А. Труфанов объединил лучковые одночленные подвязные фибулы 2 и 3 вариантов в единый хроноиндикатор, отметив, что безоговорочно отнести находку к какому либо варианту очень трудно (Труфанов 2009, с. 210).

В погребении СК-3 № 37 (рис. 2: 1—3) вместе с браслетом встречена деформированная лучковая подвязная фибула с раскованной ножкой варианта 3. А. К. Амброс, а вслед за ним и В. В. Кропотов, датировали эти застежки первой половиной — серединой II в. н. э. (Амброс 1966, с. 49—50; Кропотов 2010, с. 75). В. М. Косяненко выделила аналогичные фибулы из некрополя городища Кобяково в тип I, ограничив время их бытования второй половиной I в. н. э., и, частично, II в. н. э. (Косяненко 1987, с. 56). Из этого погребения происходит амулет-«игольница» (рис. 1: 4). Такие изделия встречаются в меотских комплексах II в. н. э., что дает нам основание датировать данное погребение первой половиной этого столетия.

Из разрушенного погребения СК-3 № 3 с двумя браслетами происходит сильнопрофилированная фибула причерноморского типа с бусинами на пластинчатой дужке (рис. 1: 7),

формы 3б по В. В. Кропотову (Кропотов 2010, с. 236). Ранее, при рассмотрении хронологии сильнопрофилированных фибул с бусинами на дужке мы уже отмечали, что хронология, предложенная В. В. Кропотовым, требует уточнения (Лимберис, Марченко 2018, с. 213—214). На наш взгляд, типология и хронология этой серии фибул, разработанная В. М. Косяненко на материалах некрополя Кобякова городища, более объективно отражает период распространения этих застежек. К первому типу она отнесла фибулы со спинкой в виде стержня, и датировала их второй третью I в. н. э., а второй тип — с пластинчатой дужкой — II в. н. э., допуская возможность их бытования и в начале III в. н. э. (Косяненко 1987, с. 45—49; 2008, с. 85—88). Таким образом, датировка Старокорсунского комплекса укладывается в широкие рамки II в. н. э.

Как мы отмечали в начале статьи, специальных исследований по хронологии браслетов с окончаниями в виде конических шпечек из меотских могильников Нижнего Дона не проводилось, поэтому далее мы рассмотрим более подробно датировки погребений с браслетами этого типа из памятников донских меотов, опираясь на хронологию совместно встреченных с ними фибул.

В некрополе Кобякова городища (КБ) таких погребений 19. К первой половине I в. н. э. относятся погребения КБ № 12/1961 г., 23, 26, 46/1999 г. с фибулами типа «Авцисса». В погребении 46, кроме того, была найдена еще и фибула «лебяжьинской» серии варианта 2 (Ларенок 2013, с. 32, 33, 261, 265, табл. 13: 8—9; 21: 7, 9—10), а в детском погребении 26 — три пружинные фибулы с кнопкой на конце приемника типа I, вариантов 1, 2 и типа II, варианта 1 по классификации В. М. Косяненко, а также фрагменты сильнопрофилированной фибулы с бусиной на конце приемника (тип не восстанавливается), по которым В. А. Ларенок датировала этот комплекс первой половиной I в. н. э. (Ларенок 2013, с. 20, 21, 261, табл. 15: 6, 10—14; Косяненко 2008, с. 89—93).

В нескольких погребениях браслеты интересующего нас типа были найдены вместе с фибулами с плоской ленточной спинкой и копкой на конце приемника, которые В. М. Косяненко относит к группе II, типу I и делит на три варианта. Фибула варианта 1 из погребения КБ № 4/1958 г. датируется началом I в. н. э. (Косяненко, 2008, с. 89, 93, табл. 5: 1). Экземпляры варианта 2 из погребений КБ № 55, 132, 311/2000 г. характерны для I — начала II в. н. э. (Косяненко 2008, с. 91, 93; Ларенок 2013, табл. 44: 2; 74: 8; 136: 10). По В. В. Кропотову — это вариант 1, время бытования которого ограничивается периодом второй половины I — начала II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 212, 213). В. А. Ларенок, хотя и придерживается хронологии, предложенной В. М. Косяненко, датировала погребение 132/2000 г. второй половиной I—II в. н. э. (Ларенок 2013, с. 116).

В погребении КБ № 220/2000 г. вместе с шестнадцатью браслетами найдены пять фибул с плоской спинкой и кнопкой на конце приемника типа I, варианта 2, которые позволили датировать этот комплекс I в. н. э. (Ларенок 2013, с. 164, 165, рис. 106). Однотипная фибула встречена в детском погребении 351/2000 вместе с лучковой подвязной варианта 2, что также позволяет датировать комплекс второй половиной I — началом II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 213, 217; Ларенок, 2013, с. 241, табл. 153: 6—8).

Погребения КБ № 1/1956 г., № 4/1961 г., № 316/2000 г. датируются в пределах I в. н. э. на основании фибул с выпуклой ленточной спинкой и кнопкой или завитком на конце приемника (Косяненко 2008, с. 89, 92, 93, 101, табл. 6, 4; 11: 1; Ларенок 2013, с. 223, 261, табл. 142: 3, 5—7), как и погребение КБ № 91/2000 г. с маленькой пластинчатой фибулой с завитком на конце приемника¹ (Ларенок 2013, с. 92, табл. 60: 2, 4).

Хронология погребений КБ № 195, 211, 255 2000 г. может быть ограничена второй половиной I в. н. э. Датировка погребения 195 устанавливается по взаимовстречаемости лучковой подвязной фибулы серии I варианта 2 и застежки с кнопкой на конце приемника варианта 2 (Ларенок 2013, с. 150, 151, табл. 98: 3—5; Кропотов 2010, с. 91, 216).

В погребении 211, кроме маленькой фибулы с завитком на конце приемника, была встречена краснолаковая тарелка с клеймом *planta pedis* (Ларенок 2013, с. 158—159, табл. 98: 10; 100: 14, 16, 17). Аналогичные тарелки Д. В. Журавлев относит к форме 1.3.1 понтийской сигиллаты А и датирует второй половиной I в. н. э. (Журавлев 2010, с. 40, 42, табл. 12: 68).

Погребение 255 В. А. Ларенок отнесла к группе I в. н. э. (Ларенок 2013, с. 183, 262, 265). Однако по круглой броши без эмали, с шарниром из двух стоек² этот комплекс может быть датирован более узко. По краю брошь украшена шестью выступами, в центре — круглое отверстие с железным штырьком. Такие застежки Э. Риха отнесла к типу 7.2 (вариант 1) и датировала серединой — второй половиной I в. н. э. (Riha 1994, S. 151—153, Taf. 39: 2751—2768). Более ранним временем — второй четвертью I в. н. э. датировала их Э. Эттлингер (Ettlinger 1973, S. 110, 111, Taf. 12: 10). При датировке этой фибулы В. В. Кропотов также опирается на западноевропейскую хронологию (Кропотов 2010, с. 302, табл. 89: форма 1). Наиболее вероятная дата этого погребения — вторая половина I в. н. э.

Датирующими вещами в погребении КБ № 96 2000 г. являются стеклянный бальзамарий и раннеримская, т. н. «глазчатая», фибула с многовитковой пружиной, крючком для тетивы

и пластинчатым корпусом с перехватом и слабо намеченным валиком (?) на стыке спинки и ножки. Спинка профилирована ребром, ножка плоская, немного расширенная. Схема фибулы соответствует типу Альмгрен 53 (Almgren 1923, S. 21—27, Taf. III: 53). Э. Риха выделила такие фибулы в тип 2.3 (Альмгрен: группа III) и датировала их I в. н. э., отметив при этом, что самые ранние экземпляры относятся к концу I в. до н. э. (Riha 1979, S. 68, 69, Taf. 7: 193—209; 78; 79: 2, 3). «Глазчатые» фибулы типа Альмгрен 53 (основная серия) М. Б. Щукин относил к ступени B1C — B2a раннеримской хронологии, т. е. преимущественно ко второй половине I в. н. э., а наиболее поздние экземпляры — к рубежу I—II — начала II в. (Щукин 1991, рис. 7: 11; 1994, с. 233, 234, рис. 24). Этой же хронологии придерживается В. Новаковский (Nomakowski, S. 46, Abb. 12: 645). По В. В. Кропотову — это форма 3 редких западных типов, которую он также соотносит с типом Альмгрен 53. Современные хронологические разработки для этих фибул, которые приводит исследователь, укладываются во вторую половину или последнюю четверть I — начало II в. н. э. Для комплексов юга Восточной Европы исследователь допускает более позднее бытование фибул этого типа в период формирования позднесарматской культуры, т. е. на протяжении большей части II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 329—331). Форма стеклянного бальзамария характерна в целом для I — начала II в. н. э. (Лимберис Марченко 2003, с. 115, № 86, 94, 98). В. А. Ларенок, учитывая наличие бальзамария, при публикации датировала фибулу второй половиной I в. н. э., а погребение — концом I—II в. (Ларенок 2013, с. 95, 266, табл. 62: 7, 8). Однако, взаимовстречаемость фибулы и бальзамария позволяет определить хронологические рамки погребения второй половиной I — началом II в. н. э.

Вместе с браслетом в погребении КБ № 290/2000 найдены три сильнопрофилированные фибулы с бусинами на пластинчатой дужке (форма 3б по В. В. Кропотову), которые, как отмечалось выше, датируются широко — в пределах II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 244), и одна фибула с пластинчатой спинкой и кнопкой на конце приемника варианта 2. Автор раскопок датирует это погребение II в. н. э. (Ларенок 2013, с. 203—205, 265, табл. 130).

В двух комплексах вместе с браслетами интересующего нас типа из некрополя Паниардиса — Крепостного городища (КР) встречены фибулы «лебяжьинской» серии, варианта 2, которые датируются, в основном, I в. н. э., или его второй половиной (Кропотов 2010, с. 159—162). Застежки этого варианта в крымских материалах имеют более узкую дату в пределах середины—третьей четверти I в. н. э. (Пуздровский 2007: 86, 176). Второй половиной I в. н. э. обоснованно датирует эти фибулы А. В. Симоненко (Симоненко 2004: 144). Три фибулы с тремя браслетами в погребении КР № 5 (О) 1988 г. и одна с двумя браслетами в погребении КР № 164(М)2008. Исследовате-

1. В описании у В. А. Ларенок ошибочно указано — «с бусиной».

2. У В. А. Ларенок ошибочно написано, что фибула — «пружинная».

Хронологическая таблица погребений из меотских некрополей Прикубанья и Нижнего Дона

Погребение	Датировка, годы								
	0	25	50	75	100	125	150	175	200
СК-2 № 53в									
СК-2 № 63з									
СК-2 № 614з									
ЕЛ-2 № 6/2013									
ЕЛ-2 № 41/2013									
ЕЛ-2 № 65/2013									
ЕЛ-2 № 73/2013									
ЕЛ-2 № 74/2013									
ЕЛ-2 № 200/2013									
СК-3 № 3									
СК-3 № 37									
СК-3 № 74									
СК-3 № 81									
СК-3 № 233									
СК-3 № 246									
СК-3 № 348									
КБ № 1/1956									
КБ № 4/1958									
КБ № 12/1961									
КБ № 4/1961									
КБ № 23/1999									
КБ № 26/1999									
КБ № 46/1999									
КБ № 55/2000									
КБ № 91/2000									
КБ № 96/2000									
КБ № 132/2000									
КБ № 195/2000									
КБ № 211/2000									
КБ № 220/2000									
КБ № 255/2000									
КБ № 290/2000									
КБ № 311/2000									
КБ № 316/2000									
КБ № 351/2000									
КР № 2 (К)/1972									
КР № 5 (О)/1988									
КР № 164 (М)/2008									

ли некрополя относят данные погребения к I в. н. э. (Горбенко, Косяненко 2011, с. 26, 150—151, рис. 87: 2—4; 88: 2—4; 183: 1, 2, 4).

В погребении КР № 2 (К) 1972 было найдено бронзовое зеркало диаметром 10 см с коническим утолщением в центре, валиком по краю, и ручкой штырем, которое исследователи датировали второй половиной I в. до н. э., а сам комплекс — последней четвертью этого столетия. При датировании зеркала авторы ссылаются на работу И. И. Марченко (Горбенко, Косяненко 2011, с. 92, 46, 150, рис. 8: 1, 3). Однако, если мы обратимся к ней, то для таких зеркал (тип VIII, вариант 1) время бытования устанавливалось в рамках рубежа II—I вв. до н. э. — первой половины I в. н. э., и отмечалось, что для экземпляров первой половины I в. н. э. характерны меньшие размеры диска — 10—11 см (Марченко 1996, с. 23). Таким образом, нет оснований относить этот комплекс к столь

раннему времени, его датировку следует ограничить первой половиной I в. н. э.

Подведем итоги. Среди проанализированных нами 38 погребений с браслетами из меотских могильников Кубани и Нижнего Дона 10 комплексов относятся к первой половине I в. н. э., 17 — ко второй половине этого столетия, 8 — к I — началу II в. н. э., 1 — к первой половине II в. н. э. и только 2 погребения датируются широко — вторым столетием (табл. 1).

Незначительное количество погребений II в. н. э. вряд ли свидетельствует о долговременном употреблении браслетов рассматриваемого типа. Датировка (II в. н. э.) широкая — это может быть и начало, и конец столетия. Объяснить факт длительного сохранения таких браслетов как раритетных, престижных предметов, которые передавались из поколения к поколению, невозможно. Скорее всего, эта ситуация объясняется их вторичным применением в погребальном обряде,

что не раз наблюдалось на грунтовых могильниках меотов (к примеру, использование керамических сосудов из более ранних разрушенных захоронений в более поздних погребениях).

Таким образом, хронологический анализ погребений дает нам основание определить основное время бытования браслетов с коническими шишечками на концах у меотов Прикубанья, как, впрочем, и на Дону, в рамках I — начала II в. н. э. Надо отметить, что в меотских памятниках погребения более раннего времени с такими браслетами, которые в Крыму появляются, по мнению А. А. Труфанова, во второй половине I в. до н. э., пока нам не известны (Труфанов 2009, с. 128, 225). Возможно, это связано как раз с трудностями выделения комплексов этого времени из-за малого количества импортных вещей и отсутствия надежных хронологических индикаторов.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз, А. К. 1966. *Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э.* Свод археологических источников, Д 1-30. Москва: Наука.
- Анфимов, И. Н. 1984. Меотский могильник I—II вв. н. э. близ станицы Елизаветинской. В: Аутлев, В. (ред.). *Вопросы археологии Адыгеи*. Майкоп: АНИИЭЯЛИ, с. 83-111.
- Дзиеладзе, Е. С., Сикоца, Д. Н., Симоненко, А. В. 2018. Фибулы могильника Красный Маяк. *Археология і давня історія України*, 2 (27), с. 359-374.
- Горбенко, А. А., Косяненко, В. М. 2011. *Некрополь Паниардиса (Крепостного городища)*. Донские древности, 11. Азов: Азовский музей-заповедник.
- Зайцев, Ю. П., Мордвинцева, В. И. 2003. Подвязыные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья. *Российская археология*, 2, с. 135-154.
- Косяненко, В. М. 1987. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища. *Советская археология*, 2, с. 45-62.
- Косяненко, В. М. 2008. *Некрополь Кобякова городища*. Донские древности, 9. Азов: Азовский музей-заповедник.
- Кропотов, В. В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев: АДЕФ-Украина.
- Кунина, Н. З., Сорокина, Н. П. 1972. Стекланные бальзамарии Боспора. *Труды Государственного Эрмитажа*, XIII, с. 146-177.
- Ларенок, В. А. 2013. *Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999—2000 гг.* 1. Ростов-на-Дону: Донской Издательский Дом.
- Лимберис, Н. Ю., Марченко, И. И. 2003. Стекланные сосуды позднеэллинистического и римского времени из Прикубанья. *Материалы и исследования по археологии Кубани*, 3, с. 106-183.
- Лимберис, Н. Ю., Марченко, И. И. 2004. Римские и провинциально-римские бронзовые фибулы из Прикубанья. *Материалы и исследования по археологии Кубани*, 4, с. 221-241.
- Лимберис, Н. Ю., Марченко, И. И. 2018. Хронология орнаментированных зеркал-подвесок с боковой ручкой из меотских могильников правобережья Кубани. *Stratum plus*, 4, с. 201-217.
- Марченко, И. И. 1996. *Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани)*. Краснодар: КубГУ.
- Пуздровский, А. Е. 2007. *Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники*. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Симоненко, А. В. 2004. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья. В: *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5-й международной конфе-*

ренции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, с. 134-173.

Симоненко, А. В. 2011. *Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Скрипкин, А. С. 1977. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений). *Советская археология*, 2, с. 128-134.

Труфанов, А. А. 2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. — III в. н. э. *Stratum plus*, 4, с. 117-329.

Щукин, М. Б. 1991. Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени (к методике историко-археологических сопоставлений). *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 31, с. 90-106.

Almgren, O. 1923. *Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen*. Mannus-Bibliothek, 32. Leihzig.

Ettlinger, E. 1973. *Die römischen Fibeln in der Schweiz*. Bern.

Marčenko, I. I., Limberis, N. Ju. 2008. *Römische importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes*. In: Simonenko, A. V., Marčenko, I. I., Limberis, N. Ju. *Römische importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Archäologie in Eurasien, 25. Mainz: Philipp von Zabern.

Nowakowski, W. Die Fibeln Almgren 55 und 56 aus heutigen Sicht. In: *100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren*. Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg, 5. Wünsdorf.

Rieckhoff, S. 1975. Münzen und Fibeln aus dem Vicus des Kastells Hufingen, Saalburg. *Saalbuch Jahrbuch*, XXII, S. 105-129.

Riha, E. 1979. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst*. Forschungen in Augst, 3. Augst: Hochuli A. G., MuttENZ.

Schleiermacher, M. 1993. *Die römischen Fibeln von Kempten-Cambodunum*. Bayerisches Landesamt für Denkmalpflege, 63; Cambodunumforschungen, V. Kallmünz. Michael Lassleben.

REFERENCES

- Ambroz, A. K. 1966. *Fibuly yuga Europeyskoy chasti SSSR II v. do n. e. — IV v. n. e.* Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1-30. Moskva: Nauka.
- Anfimov, I. N. 1984. Meotskiy mogilnik I—II vv. n. e. bliz stanitsy Elizavetinskoy. In: Autlev, B. (ed.). *Voprosy arkheologii Adygei*. Maykop: ANIIEYaLI, s. 83-111.
- Dzneladze, E. S., Sikoza, D. N., Simonenko, A. V. 2018. Fibuly mogilnika Krasnyy Mayak. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 2 (27), s. 359-374.
- Gorbenko, A. A., Kosyanenko, V. M. 2011. *Nekropol Paniardisa (Krepostnogo gorodishcha)*. Donskiye drevnosti, 11. Azov: Azovskiy muzey-zapovednik.
- Zaytsev, Yu. P., Mordvintseva, V. I. 2003. Podvyeznyye fibuly v varvarskikh pogrebeniyakh Severnogo Prichernomoria. *Rossiyskaya arkheologiya*, 2, s. 135-154.
- Kosyanenko, V. M. 1987. Bronzovyye fibuly iz nekropolya Kobyakova gorodishcha. *Sovetskaya arkheologiya*, 2, s. 45-62.
- Kosyanenko, V. M. 2008. *Nekropol Kobyakovo gorodishcha*. Donskiye drevnosti, 9. Azov: Azovskiy muzey-zapovednik.
- Kropotov, V. V. 2010. *Fibuly sarmatskoy epokhi*. Kiev: ADEF-Ukraina.
- Kunina, N. Z., Sorokina, N. P. 1972. Steklyannyye balzamarii Bospora. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, XIII, s. 146-177.
- Larenok, V. A. 2013. *Meotskiye drevnosti. Katalog pogrebalnykh kompleksov Kobyakova gorodishcha iz raskopok 1999—2000 gg.* 1. Rostov-na-Donu: Donskoy Izdatelskiy Dom.
- Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2003. Steklyannyye sosudy pozdneellinisticheskogo i rimskogo vremeni iz Prikubania. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani*, 3, s. 106-183.
- Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2004. Rimskiy i provintzialno-rimskiy bronzovyye fibuly iz Prikubania. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani*, 4, s. 221-241.

Limberis, N. Yu. Marchenko, I. I. 2018. Khronologiya ornamentirovannykh zerkal-podvesok s bokovoi ruchkoi iz meotskikh mogilnikov pravoberezhia Kubani. *Stratum plus*, 4, s. 201-217.

Marchenko, I. I. 1996. *Siraki Kubani (Po materialam kur-gannyykh pogrebeniy Nizhney Kubani)*. Krasnodar: KubGU.

Puzdrovskiy, A. E. 2007. *Krymskaya Skifiya II v. do n. e. — III v. n. e. Pogrebalnyye pamyatniki*. Simferopol: Biznes-Inform.

Simonenko, A. V. 2004. Khronologiya i periodizatsiya sarmatskikh pamyatnikov Severnogo Prichernomoria. In: *Sarmatskiye kultury Evrazii: problemy regionalnoy khronologii. Doklady k 5-y mezhdunarodnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»*. Krasnodar, s. 134-173.

Simonenko, A. V. 2011. *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomoria*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya.

Skripkin, A. S. 1977. Fibuly Nizhnego Povolzhia (po materialam sarmatskikh pogrebeniy). *Sovetskaya arkheologiya*, 2, s. 128-134.

Trufanov, A. A. 2009. Khronologiya mogilnikov Predgornogo Kryma I v. do n. e. — III v. n. e. *Stratum plus*, 4, s. 117-329.

Shchukin, M. B. 1991. Nekotoryye problemy khronologii rannerimskogo vremeni (k metodike istoriko-arkheologicheskikh sopostavleniy). *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 31, s. 90-106.

Almgren, O. 1923. *Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinziäl-römischen und südrussischen Formen*. Mannus-Bibliothek, 32. Leipzig.

Ettlinger, E. 1973. *Die römischen Fibeln in der Schweiz*. Bern. Marčenko, I. I., Limberis, N. Ju. 2008. *Römische importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes*. In: Simonenko, A. V., Marčenko, I. I., Limberis, N. Ju. *Römische importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Archäologie in Eurasien, 25. Mainz: Philipp von Zabern.

Nowakowski, W. Die Fibeln Almgren 55 und 56 aus heutigen Sicht. In: *100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren*. Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg, 5. Wünsdorf.

Rieckhoff, S. 1975. Münzen und Fibeln aus dem Vicus des Kastells Hufingen, Saalburg. *Saalbuch Jahrbuch*, XXII, S. 105-129.

Riha, E. 1979. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiser-augst*. Forschungen in Augst, 3. Augst: Hochuli A. G., Muttenz.

Schleiermacher, M. 1993. *Die römischen Fibeln von Kempten-Cambodunum*. Bayerisches Landesamt für Denkmalpflege, 63; Cambodunumforschungen, V. Kallmünz. Michael Lassleben.

N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko

CHRONOLOGY OF THE ARMLET'S WITH CONICAL CONE ENDS FROM THE MAEOTIAN SITES OF THE KUBAN REGION

Currently there is a need to develop of regional chronological schemes for certain categories and types of archaeological finds. The bronze armlets with the conical cones at the ends can be quite reliable chronological indicators for the assemblages of the first centuries AD in case of lack of other possibilities for dating. The assemblages with armlets from the Maeotian burial grounds of the Kuban region are analyzed in the paper. The published materials from the Don Maeotians burials are also used in order to compare and clarify the chronology. The analysis was mainly carried out basing of the burials with fibulae which are the base for chronology of the armlets. The types of fibulae are quite diverse: the Early Roman type «Aucissa», the «ocular» of Almgren 53 type, the provincial-Roman not enamelled brooch, with a hinge of two racks, a round brooch with a clasp of a bow construction, highly profiled fibulae of the Black Sea types, lamellar fibulae with a S-prominent curl and with a button at the end, as well as bow garter fibulae. In separate burials glass vessels and Terra sigillata plate have been found which helped to clarify the dating.

In total, 38 burials from the Maeotian burial grounds of the Kuban and the Lower Don were analyzed. Among them 10 assemblages belong to the first half of the 1st century AD., 17 — to the second half of this century, 8 — to the

1st — beginning of the 2nd century AD., 1 — to the first half of the 2nd century AD. and only 2 burials date widely — the 2nd century. The main period of existence of the armlets with the conical cones at the ends among the Kuban Maeotians, as, however, on the Don, within the 1st to beginning of the 2nd centuries AD. The burials of the 1st century BC. with such armlets are not yet known to us. Perhaps this is due to the difficulties in distinguishing assemblages of this time due to the small amount of imported items and the lack of reliable chronological indicators.

Keywords: Kuban Region, Lower Don, Maeotian culture, armlets, fibulae, chronology.

N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko

ХРОНОЛОГІЯ БРАСЛЕТІВ З КОНІЧНИМИ ШИШЕЧКАМИ НА КІНЦЯХ З МЕОТСЬКИХ ПАМ'ЯТОК ПРИКУБАННЯ

Сьогодні відчувається необхідність в розробці регіональних хронологічних схем для окремих категорій і типів археологічних знахідок. Бронзові браслети з конічними шишечками на кінцях можуть бути досить надійними хронологічними індикаторами для комплексів перших століть нової ери, в яких відсутні інші можливості для датування. У статті аналізуються комплекси з браслетами з меотських могильників Прикубання. Для порівняння і уточнення хронології залучаються також опубліковані матеріали з могильників донських меотів. Аналізу були піддані, головним чином, поховання з фібулами, на датування яких і спирається хронологія браслетів. Типи фібул досить різноманітні: раннеримського типу Aucissa, «вічкова» схеми Альмгрен 53, провінційно-римська фібула-брошка без емалі, з шарніром з двох стійок, кругла фібула-брошка з застібною смичковою конструкцією, сильнопрофільовані фібули причорноморських типів, пластинчасті фібули з S-подібним завитком і з кнопкою на кінці приймача, а також лучкові подв'язні фібули. В окремих похованнях були присутні скляні посудини і червонолакова тарілка, які допомогли уточнити датування. Всього було проаналізовано 38 поховань з меотських могильників Кубані і Нижнього Дону. З них 10 відносяться до першої половини I ст. н. е., 17 — до другої половини цього сторіччя, 8 — до I — початку II ст. н. е., 1 — до першої половини II ст. н. е. і тільки 2 поховання датовані широко — II ст. н. е. Основний період побутування браслетів з конічними шишечками на кінцях у меотів Прикубання, як, втім, і на Дону, обмежується I — початком II ст. н. е. Поховання I в. до н. е. з такими браслетами поки нам не відомі. Можливо, це пов'язано з труднощами виділення комплексів цього часу через малу кількість імпортованих речей і відсутність надійних хронологічних індикаторів.

Ключові слова: Прикубання, Нижній Дон, меотська культура, браслети, фібули, хронологія.

Одержано 26.05.2020

ЛІМБЕРІС Наталія Юріївна, старший науковий співробітник, Кубанський державний університет, вул. Ставропольська, 149, Краснодар, 350040, Російська Федерація. **LIMBERIS Natalya Yu.**, Senior Researcher, Scientific Research, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, 350040, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-0395-315X, e-mail: limberis2@mail.ru.

МАРЧЕНКО Іван Іванович, кандидат історичних наук, професор, Кубанський державний університет, вул. Ставропольська, 149, Краснодар, 350040, Російська Федерація. **MARCHENKO Ivan I.**, Candidate of Sciences (History), Professor, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, 350040, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7319-5214, e-mail: meot@mail.ru.